

РОССИЯ, США, МАЛАЯ ЕВРОПА (ЕС): КОНКУРЕНЦИЯ ЗА ЛИДЕРСТВО В МИРЕ ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТИ

© 2016 г. Ал.А. Громыко

Институт Европы РАН, Москва, Россия

e-mail: alexey@gromyko.ru

Поступила в редакцию 27.07.2015 г.

В статье, написанной на основе доклада, с которым автор выступил на заседании Президиума РАН в июне 2015 г., обсуждаются проблемы, связанные с так называемым цивилизационным треугольником. Речь идёт о Малой Европе (странах, вошедших в состав ЕС), России и США. Что объединяет эти три субъекта мировой политики? Какие факторы влияют на динамику отношений в этом треугольнике? Каковы конкурентные преимущества и недостатки ЕС, России и США? Наконец, каковы варианты группировки сил в следующие два десятилетия?

Ключевые слова: Россия, США, Европейский союз, цивилизационный треугольник, конкуренция, полицентричность.

DOI: 10.7868/S0869587316020043

Серьёзных работ о судьбах Европы, о мире, в котором она жила и живёт, о знаковых международных документах на эту тему много. Европейская проблематика волновала людей на протяжении всей Новой и Новейшей истории. Можно вспомнить Вестфальский мирный договор 1648 г., Венский конгресс 1814–1815 гг., Версальский мир 1919 г. В 1918 г. был издан первый том одной из самых шумевших книг о Старом Свете — “Закат Европы” Освальда Шпенглера.

Напомним также о решениях конференций в Ялте и Потсдаме в 1945 г., Уставе Организации Объединённых Наций, подписанном 26 июня 1945 г.; Европу обустроили в Хельсинкском заключительном акте в 1975 г. и в Парижской хартии в 1990 г.

После окончания холодной войны наибольшую известность на Западе, да и в нашей стране,

получили две концепции мироустройства: “конец истории” Фрэнсиса Фукуямы и “столкновение цивилизаций” Самюэля Хантингтона. Правда, обе концепции в значительной степени остались умозрительными, далеко не во всём подтверждёнными жизнью.

Расцвет апологетики новой формы европоцентризма в виде Европейского союза пришёлся на начало XXI столетия. Назовём “Европейскую мечту” Джереми Рифкина (2004) и “Европейскую супердержаву” Джона Маккормика (2007), реалистичная картина мира и места в нём Европы представлена в недавней работе Генри Киссинджера “Мировой порядок” (2014).

В последние годы появился ряд фундаментальных отечественных исследований о современном мироустройстве и позициях Европы и России. Это, в частности, монографии “Россия в полицентричном мире” [1], “Глобальное управление: возможности и риски” [2], “Глобальная перестройка” [3], книги из многотомной серии “Старый Свет — новые времена”, подготовленной в Институте Европы РАН [4].

Внимание научной общественности и политиков привлекли труды академика А.А. Кокошина [5], посвящённые вопросам стратегической стабильности, монография академика А.О. Чубарьяна “Российский европеизм” [6], совместная работа академиков Н.А. Симонии и А.В. Торкунова “Глобализация. Структурный кризис и мировое лидерство” [7], книга академика В.В. Журкина “Европейская армия: поражения и победы” [8],

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич — доктор политических наук, директор ИЕ РАН.

Таблица 1. Европейский союз как квазигосударственная система

Федерация (исключительные компетенции ЕС)	Конфедерация (смешанные компетенции)	Межгосударственное объединение (компетенции национальных правительств)
Таможенный союз (1968 г.) ЭВС – еврозона (19 из 28 стран-членов) Единый внутренний рынок (не достроен)	Внешняя политика Бюджетная политика ("европейский семестр") Банковский союз	Политика безопасности и обороны Налоговая политика
Отраслевые политики Аспекты социальной политики, особенно охрана труда и здоровья Шенгенская зона (с исключениями) Система права (примат над национальным правом, включая конституционное) Собственный бюджет – 143 млрд. евро (2015 г.)	Энергетический союз Законодательный процесс (<i>acquis communautaire</i>) Иммиграционная политика Политика занятости Пространство внутренней свободы, без- опасности и правосудия Расширение полномочий национальных парламентов (механизм "жёлтой карточки")	Управленческие механизмы (сохра- нение права вето при принятии ряда решений Европейским советом – саммитом лидеров стран-членов) Часть социальной политики

исследования Российского совета по междуна-
родным делам [9] и МГИМО [10]. Среди новей-
ших публикаций по истории России и её месте в
мире – монографии В.А. Никонова [11].

Может возникнуть вопрос: почему в один ряд с
двумя государствами ставится региональная орга-
низация? Дело в том, что Европейский союз дав-
но стремится к имитации федеративного государ-
ства, а Россия и США являют примеры именно
такого устройства. В начале XXI столетия ЕС
практически превратился в региональную орга-
низацию с элементами и конфедерации, и феде-
рации. Это единственная международная органи-
зация, в которой объёмы и сферы наднацио-
нального и межгосударственного регулирования
сопоставимы. Можно сказать, что ЕС – квазиго-
сударственная система (табл. 1). Обращает на се-
бя внимание тот факт, что её различные компе-
тенции не статичны, а подвижны. В основном
прослеживается тенденция в пользу приращения
конфедеративных и федеративных компетенций,
но есть и реверсивное движение.

Чем ещё обоснован данный подбор "игро-
ков"? Речь идёт о взгляде на европейскую (хри-
стианскую) цивилизацию через призму несколь-
ких её ветвей [12]. Среди них и Россия, и страны
Европейского союза, и США – своего рода цивили-
зационный треугольник. Все его вершины вы-
шли из одного исторического ядра. Далее их пути
во многом разошлись, но часть общего наследия со-
хранилась, например, союзничество в годы Второй
мировой войны.

Немного о терминах. "Малая Европа" обозна-
чает совокупность 28 стран, вошедших к 2015 г. в
состав Евросоюза. Эта Европа малая, представля-
ющая лишь часть Старого Света, история которо-
го немыслима без России, хотя, конечно, с фор-
мально географической точки зрения, Россия не
вмещается в понятие "европейская страна". Тер-
мин "Большая Европа" существует более 100 лет.
Он созвучен идее "Соединённых Штатов Евро-
пы" начала XX в., и межвоенной идее пан-Евро-
пы, и голлистской идее общего европейского
пространства, и современным интерпретациям
Европы "от Лиссабона до Владивостока".

Кроме того, эти три субъекта мировой полити-
ки – Россию, Евросоюз (точнее, ряд его членов) и
США – объединяет стремление к выработке и
развитию стратегического мышления, что пред-
полагает наличие собственной картины миро-
устройства, сильной науки, опытной дипломатии,
больших ресурсов, длительной государственности.
Мало кто будет отрицать, что Москве, Парижу,
Лондону, Берлину, Вашингтону исторически при-
суще стремление, а подчас и способность к стра-
тегическому мышлению. Но у этой способности
есть и оборотная сторона, свои риски: чем мощ-
нее ресурсы государства, тем чаще стратегическое
мышление в случае ошибочности его применения
приводит к масштабным отрицательным послед-
ствиям. Ряд военных кампаний США в начале
XXI в. служит тому наглядным подтверждением.

Что касается Евросоюза, то его претензии на
стратегическое мышление всё ещё не получили
существенного развития. Однако определённый

опыт и наработки имеются. Например, успешно решена стратегическая в рамках Европы задача исторического примирения Франции и Германии. В доктринальном плане в 2003 г. появилась первая и пока последняя Европейская стратегия безопасности. В ней, в частности, сказано: “Будучи объединением 28 государств с населением более 450 млн. человек и четвертью мирового ВВП, Европейский союз неизбежно является глобальным игроком... Он должен быть готов разделить ответственность за глобальную безопасность и за построение лучшего мира”. И далее: “Нам необходимо развивать стратегическую культуру, с помощью которой можно осуществлять заблаговременные, быстрые и, когда необходимо, активные интервенции” [13, р. 1, 11].

Примечательный факт: если в стратегическом обзоре 2003 г. слова “стратегия”, “стратегический” были употреблены 13 раз, то 2008 г. – 18 раз. Вот лишь одна цитата из этого документа: “Для обеспечения нашей безопасности... мы должны быть готовы влиять на события. Это означает мыслить более стратегически и быть более эффективными и заметными по всему миру” [14].

По традиции в документах ЕС и выступлениях лидеров говорится о стратегическом партнёрстве с НАТО. Заявлено о создании такого партнёрства с Японией, Китаем, Канадой, Индией, до недавнего времени речь шла и о России. Приняты Анти-террористическая стратегия (2005), Стратегия внешнего измерения пространства свободы, безопасности и правосудия (2005), Стратегия информационной безопасности (2006), Африканская стратегия (2006), Центральноазиатская стратегия (2007).

Очевидно, что переплетение конкуренции и кооперации между тремя игроками усиливается, а в ЕС нарастают ещё и внутренние противоречия. Разнообразные формы конкуренции охватывают все вершины треугольника, и именно на этом уместно сделать акцент. Например, памятен 2003 год, когда из-за противоречий по поводу вторжения в Ирак евроатлантические структуры оказались расколоты. Российская тема остаётся, пожалуй, единственной, в связи с которой традиционное представление о коллективном Западе сохраняет свою силу, хотя и здесь подходы разнятся даже на фоне украинского кризиса. Об этом говорят посещения России Ангелой Меркель, Франсуа Олландом, Маттео Ренци, Никосом Анастасиадисом, Алексисом Ципрасом, президентами Финляндии, Чехии, многими другими политическими лидерами, не говоря уже о неевропейских политиках.

Кроме внутренней взаимозависимости на пространстве от Ванкувера до Владивостока, Россия, США и Евросоюз испытывают возрастающее влияние извне, в первую очередь со стороны Китая, Индии, Бразилии. В динамике отношений как между собой, так и с другими игроками важ-

ную роль играет фактор государственного суверенитета. Имеется в виду своего рода ренессанс в начале XXI в. феномена национального государства. В отличие от ЕС ни Россия, ни США, ни Китай, ни Индия, ни Бразилия не стремятся передавать часть своего суверенитета наднациональным структурам (хотя в рамках Евразийского экономического союза такие элементы заложены). Но и в самом ЕС процессы по размыванию государства заметно затормозились, о чём свидетельствует, например, желание Британии вернуть себе некоторые ранее делегированные Брюсселю полномочия. Растущие по всему миру новые центры влияния выступают за сильное национальное государство.

Тем не менее в мире наблюдаются и кризисные явления в этой сфере. В ЕС эксперимент с размыванием принципа государственного суверенитета привёл к непредвиденным последствиям, побочным эффектам. Усилились региональный национализм и сепаратизм в Испании, Великобритании, Бельгии. Ещё хуже обстоят дела на периферии Евросоюза – на Балканах, и совсем катастрофично – в прилегающих к Европе регионах. Это рушатся государства в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, на Аравийском полуострове. В усугублении негативных процессов США и ряд стран-членов ЕС сыграли неблагоприятную роль, раскачивая извне, в том числе с применением военной силы, и без того хрупкие государственные структуры.

В течение нескольких последних десятилетий глобализация работала на “стягивание” государств, их взаимопроникновение и переплетение. Достаточно напомнить о торговом буме 1990-х – начала 2000-х годов в отношениях России и Евросоюза. Но и у этого процесса есть свой контрфорс – это региональная интеграция, которая, как сила притяжения, интенсивнее всего толкает друг к другу территориально близкие страны. Другими словами, даёт о себе знать извечная “тирания географии”. Отсюда парадокс нашего времени – необходимость быть ядром регионального интеграционного проекта для успешного продвижения своих интересов. Так, Германия получила несомненные преимущества благодаря тому, что де-факто стала экономическим ядром Евросоюза.

Новейший тренд истории – мегаинтеграционные проекты, или интеграции интеграций. В какой-то степени такие проекты создавались и раньше, например, в виде НАТО, ОВД, СЭВ, Движения неприсоединения. Но они являлись реакцией на биполярный мир и были обусловлены в основном политическими и идеологическими причинами. В настоящее время лоббируются четыре суперпроекта: Транстихоокеанское партнёрство 22 стран АТР во главе с США, Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрство между США и ЕС, Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли во главе с Китаем и

Таблица 2. Базовые показатели ведущих стран мира

Страна	Территория, млн. км ²		Население, млн. человек	
Россия	17	(1)	142	(10)
Канада	9.98	(2)	35	(39)
США	9.8	(3)	318.9	(4)
Китай	9.596	(4)	1.355	(1)
Бразилия	8.514	(5)	202.6	(5)
Австралия	7.741	(6)	22.7	(56)
Евросоюз	4.325	(7)	512	(3)
			80.9	(18) Германия
			66.2	(22) Франция
			63.7	(23) Британия
			61.6	(24) Италия
Индия	3.287	(8)	1.236	(2)

Примечание. В скобках указано место в рейтинге.

Экономический пояс Шёлкового пути во главе с ним же. Россия в этих проектах либо стоит в стороне – там, где США и ЕС, либо имеет туманные перспективы участия там, где двигателем процесса является Китай.

Ещё один фактор, оказывающий большое влияние на динамику отношений в данном треугольнике, – “скользящий”, смещающийся характер центра/центров глобализации. В течение нескольких столетий до 1945 г. мир был европоцентричен, до начала 1990-х годов – биполярен в пользу США и СССР, до 2001 г. наблюдалась “однополярность” с перекосом в сторону США, а затем стал утверждаться полицентризм при сохранении иерархии (многоярусности) государств,

когда центр тяжести сместился в АТР (точнее, в АИТР – Азиатско-Индийско-Тихоокеанский регион).

Что сближает и отличает трёх дальних “цивилизационных родственников”?

Приведём базовые показатели по населению и территории. Все “три вершины треугольника” входят в разной последовательности в группу первых 10 стран мира (табл. 2). В строке “Евросоюз” по показателю населения дана выборка ведущих государств-членов. По показателям ВВП по паритету покупательной способности (ППС) и ВВП по курсу они также входят в первую десятку ведущих государств (табл. 3). ВВП на душу населения разводит их намного дальше друг от друга, но и

Таблица 3. Базовые показатели различных стран мира в 2014 г., долл.

Страна	ВВП ППС, трлн.		ВВП по курсу, трлн.		ВВП на душу населения, тыс.		Изменение ВВП к 2013 г. +/- (%)	
Китай	17.63	(1)	10.36	(3)	12.9	(113)	7.4	(14)
ЕС	17.61	(2)	18.4	(1)	38.3	(42)	1.4	(171)
США	17.46	(3)	17.42	(2)	54.8	(19)	2.4	(131)
Индия	7.277	(4)	2.048	(11)	5.8	(160)	5.6	(43)
Япония	4.807	(5)	4.77	(4)	37	(43)	1.3	(173)
Германия	3.621	(6)	3.8	(5)	44.7	(27)	1.4	(165)
Россия	3.456	(7)	2.057	(10)	24.8	(69)	0.5	(196)
Бразилия	3.073	(8)	2.244	(8)	15.2	(101)	0.3	(198)
Франция	2.587	(9)	2.9	(6)	40.4	(39)	0.4	(197)
Индонезия	2.554	(10)	0.856	(12)	10.6	(133)	5	(51)
Британия	2.435	(11)	2.848	(7)	37.3	(44)	3.2	(101)
Италия	2.066	(12)	2.129	(9)	34.5	(49)	-0.2	(202)

Примечание. В скобках указано место в рейтинге.

Источник: CIA World Factbook 2015.

Таблица 4. Ведущие торговые партнёры ЕС в 2014 г.

Страна	Млрд. долл.	%
США	552	15.2
Китай	467	13.8
Россия	285	8.4
Швейцария	237	7.0
Норвегия	134	4.0
Турция	129	3.8
Япония	108	3.2
Южная Корея	82	2.4
Индия	73	2.1
<i>Всего</i>	3.383 трлн. долл.	100

Источник: European Union, Trade with World. European Commission, Directorate General for Trade, 10-04-2015.

здесь показатели сопоставимы, включая факт отставания от России целого ряда членов ЕС (Россия занимает 69-е место, Польша – 72-е, Венгрия – 73-е, Латвия – 75-е, Румыния – 85-е, Болгария – 93-е). По отрицательной динамике ВВП наиболее неблагоприятными странами ЕС в 2014 г. были Финляндия (–0,2%), Хорватия (–0,8), Кипр (–3,4).

ВВП ППС, превышающий 1 трлн. долл. (в сумме это 82 трлн. долл.), имеет 21 государство, но только 9 из них входят в традиционное понятие “Запад”. ЕС представлен Германией, Францией, Британией, Италией и Испанией, кроме того, это США, Канада, Япония и Австралия. На остальные незападные страны, включая Россию, приходится 54% ВВП (45 трлн. долл.).

Во внешней торговле ЕС доля России в 2014 г. составила 8,4%, это третье место после США (15%) и Китая (14%) (табл. 4). Во внешней торговле США доля России – 1%, Китая – 2%. Для России ЕС – самый крупный торговый партнёр, США находятся лишь на 20-м месте.

В начале 2015 г. доля ЕС во внешней торговле России составляла 46%, или порядка 285 млрд. евро, доля Китая – около 11%, или порядка 90 млрд. долл. С США у России торговый оборот ниже 30 млрд. долл., тогда как между ЕС и США – 515 млрд. евро, между ЕС и Китаем – 467 млрд. С этой точки зрения, “сила притяжения”, подталкивающая Россию к ЕС, по-прежнему в несколько раз больше, чем к Китаю, и тем более к США.

Украинский кризис внёс свои коррективы. В 2014 г. товарооборот России и ЕС по сравнению с 2013 г. упал на 10% и продолжает падать. Но от страны к стране картина здесь пёстрая. Так, с Британией взаимная торговля в 2014 г. снизилась сразу на несколько десятков процентов, а с Болгарией и Мальтой выросла на 1–2%. С неевропейскими странами товарный обмен России в основном увеличился: на 30% – с Мексикой, на 86% – с Египтом, на 7% – с Китаем, на 6% – с США.

Евросоюз проходит в своей истории крайне сложный этап, который не гарантирует ни от попятного движения, ни от фрагментации Еврозоны.

В первом квартале 2015 г. ВВП стран еврозоны вырос на 0,4%. Три страны ЕС по-прежнему находились в рецессии (Финляндия, Хорватия, Кипр). И это при том, что ЕЦБ начал масштабную программу количественного смягчения объёмом более чем в 1 трлн. долл. Ведущие страны ЕС балансировали на грани рецессии: рост ВВП Британии составил 0,3%, Франции – 0,6%, Италии после трёх лет рецессии – 0,3%, Германии – 0,3% (0,7% в IV кв. 2014 г.).

До сих пор для членов ЕС не просматривается решение двух других грозных проблем – дефляции и безработицы. Цены в Европе весь 2014 г. сохранялись в минусовой зоне при целевом показателе ЕЦБ в 2%. Безработица в среднем превышает 12%, особенно драматичная ситуация в Испании – порядка 25% и в Греции – около 30%. В самом отчаянном положении молодёжь в возрасте до 25 лет. Например, в Италии без работы остаются более 40% молодых людей.

Отдельной строкой выделяется проблема иммиграции. В 2014 г. число только нелегальных мигрантов в ЕС достигло почти 300 тыс. В 2015 г. ситуация ухудшалась, и уже к осени количество незаконных иммигрантов и беженцев на территории ЕС перевалило за 700 000 человек.

Конкурентные преимущества и недостатки России, ЕС и США представлены в таблицах 5, 6.

Какие варианты группирования сил могут складываться в рассматриваемом треугольнике? Всего существуют пять вариантов (при всей их достаточной условности).

1. *Сближение России и ЕС (Большая Европа)* на фоне заката “американской мечты”, каким мир её знал в XX в. Главные препятствия – отсутствие полноценной политической субъектности

Таблица 5. Конкурентные преимущества

Конкурентная сфера	США	Малая Европа (Евросоюз)	Россия
Внешняя политика	Выгодное геополитическое положение, ядерный статус, военная мощь, постоянный член Совета Безопасности ООН, лидер НАТО	Определённые успехи политики “мягкой силы”, ядерный статус Франции и Британии, их членство в Совете Безопасности ООН, становление Европейской службы внешних действий	Выгоды геополитического положения, многовекторность, ядерный статус, постоянный член Совета Безопасности ООН
Экономика	Сильные стороны англосаксонской модели развития, экономический динамизм, мировая резервная валюта	До недавнего времени успешная модель социального рынка, сохранение в среднем высокого уровня благосостояния в период кризиса	Природные, энергетические ресурсы, космическая, атомная, военная промышленность
Социум	Демографический рост, достаточно успешный опыт модели мультикультурализма	Общественные блага на основе “пула суверенитетов” и принципа “социальной сплочённости”	Богатый опыт межкультурного, межконфессионального, междоцивилизационного взаимодействия
Идеология	Остаточная привлекательность “американской мечты”, попытки использования “умной силы”	Сохранение относительной привлекательности “европейской мечты” (Ж. Деррида, Ю. Хабермас и другие)	Репутация мировой космической, атомной, энергетической, военной, научной, спортивной державы; обращение к активной “мягкой” и “умной силе”
Иное	Доминирование в информационном, финансовом пространстве, поп-культура, английский язык	Перспективность принципов солидарности, устойчивого развития	Перспективность транспортного коридора Европа–Азия, Северного морского пути

Таблица 6. Конкурентные недостатки

Конкурентная сфера	США	Малая Европа (Евросоюз)	Россия
Внешняя политика	Односторонняя внешняя политика, чрезмерная опора на “жесткую силу”	Неразвитость стратегического мышления и низкая автономность в качестве политико-военного игрока	Внешиполитические амбиции не подкреплены адекватной экономической мощью
Экономика	Недостатки англосаксонской модели развития: гипертрофированный финансовый сектор, необеспеченная ликвидность, долговой характер экономики	Разношёрстность социально-экономических моделей государств – членов ЕС, неравномерность внутреннего социально-экономического развития, слабые стороны Еврозоны	Однобокая структура экономики, монополизм и олигархический характер
Социум	Низкая социальная защищённость, углубление социального неравенства	Демографические проблемы, неконтролируемая иммиграция, рост исламистского и иного экстремизма	Высокий уровень социального неравенства, убывание населения за Уралом
Идеология	Мессианство, высокомерие, узкое толкование национальных интересов	Перенапряжение сил в процессе расширения, демократический дефицит, “брюссельская бюрократия”	Негативный образ России на Западе, вызванный как её внутренними проблемами, так и манипуляцией антироссийскими настроениями
Иное	Снижение влияния в мире, сильные антиамериканские настроения, внутренняя политическая поляризация	Проблема “национальных эгоизмов”, хрупкость дуалистической наднациональной – межгосударственной природы ЕС	Коррупция, необходимость повышения качества государственного управления

Евросоюза и значительные антироссийские настроения в ряде стран ЕС. В этом отношении ставка может делаться на разностороннее движение в становлении общей внешней политики Евросоюза. Как в своём внутреннем развитии Евросоюз со временем всё больше внимания уделял “двухскоростному движению” (например, создание Шенгенской зоны, Еврозоны, Банковского союза), при котором одни страны становились “ядром” определённого процесса, а другие его “периферией”, так и в общей внешней политике данный принцип мог бы сыграть свою положительную роль, в том числе в отношениях России и ЕС.

2. Продолжение *сближения ЕС и США* в случае перерастания противоречий России и части Запада в структурное противостояние. Здесь многое зависит как от внешних факторов, так и от самой России, которой необходимо продвигаться по пути модернизации и повышать свою привлекательность по целому ряду параметров. Главные препятствия на пути указанного сближения – американский мессианизм и одновременно достаточно сильные американоскептические, вплоть до антиамериканских, настроения в ЕС. К делам в Европе длительное время интерес падал и у Вашингтона. Переговоры о трансатлантическом торговом и инвестиционном партнёрстве, оживление деятельности НАТО в Европе на фоне украинского кризиса затормозили эту тенденцию, но в среднесрочном плане вряд ли её переломят. Возможный приход на пост президента США фигуры со “свитой”, вновь включающей неоконсерваторов, может дать дополнительный импульс к возвращению ЕС на путь автономизации своей внешней политики.

3. Новая “перезагрузка”, *сближение США и России* на фоне снижения привлекательности европейского интеграционного проекта и нарастания глобальных проблем, требующих кооперации великих держав. Главное препятствие – всё тот же американский мессианизм, глубоко укоренённые в США антироссийские настроения, низкая экономическая взаимозависимость Москвы и Вашингтона. Однако последние события, включая успех переговоров “шестёрки” и Ирана, новое окно возможностей по борьбе с ИГИЛ в Сирии при участии российских военных специалистов и техники, переговоры президентов России и США на полях Генеральной Ассамблеи ООН 29 сентября 2015 г. указывают на то, что идея “концерта держав” и в XXI столетии время от времени может напоминать о себе.

4. *Взаимодействие всех трёх вершин* треугольника на примерно паритетных началах с подключением других крупных государств, например, на площадке ОБСЕ, “большой двадцатки” или Совбеза ООН. Главные препятствия описаны в вариантах 1–3. Однако и этот сценарий имеет шансы на реализацию в случае положительных сдвигов в

отношениях Россия – ЕС или Россия – США. Тогда третий партнёр может поспешить адаптироваться к новой тенденции, а не сопротивляться ей. Усиливающийся фактор Китая также будет работать на выстраивание ровных отношений между всеми мировыми центрами влияния. Глобальные, а потому общие вызовы в виде терроризма, климатических изменений, дальнейшего освоения космического пространства, неконтролируемой миграции и пр. будут подталкивать всех перечисленных субъектов международных отношений к взаимодействию.

5. *Дрейф всех от всех*. Как и вариант 2, он наименее выгоден именно России в силу её положения в международном разделении труда и нежелательности сужения пространства для геополитического маневра исключительно восточным направлением. Безусловно, укрепление стратегического сотрудничества с Китаем будет одной из опор стратегии России на международной арене в XXI в., но, учитывая складывающиеся между этими двумя странами дисбалансы, для мировой стабильности в условиях полицентричного мира будет важно сохранить более сбалансированную систему взаимоотношений, исключающую противопоставление одной группы государств и организаций другим.

Каждый из этих пяти вариантов имеет перспективы, хотя и с разной степенью вероятности. Как всегда, на практике будут развиваться процессы с элементами каждого из них. Главное, какие из этих элементов окажутся доминирующими, а какие второстепенными. В интересах России, чтобы те или иные варианты сближения не были эксклюзивными, а дрейф в разные стороны бесповоротным. Как и в случае рыночных отношений, саморегулирование, доведённое до абсолюта, давно признано вредным мифом. Чтобы “набор ингредиентов” в международных отношениях нового столетия оказался правильным и общеприемлемым, не следует уповать на тактическое маневрирование, сиюминутные выгоды и автопилот. Политическая воля, стратегическое видение, прагматизм, отказ от национального эгоизма будут важнейшими условиями развития всех составляющих европейской цивилизации в мире высоких рисков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Россия в полицентричном мире / Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Весь мир, 2011.
2. Глобальное управление: возможности и риски / Под ред. В.Г. Барановского, Н.И. Ивановой. М.: ИМЭМО РАН, 2015.
3. Глобальная перестройка / Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Весь мир, 2014.
4. Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / Под ред. Ал.А. Громько, В.П. Фёдорова. М.: Весь мир, 2014; Россия в многообразии цивилизаций /

Под ред. Н.П. Шмелёва, Т.Т. Тимофеева, В.П. Фёдорова. М.: Весь мир, 2011; Европейский союз в XXI веке: время испытаний / Под ред. О.Ю. Потёмкиной, Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. М.: Весь мир, 2012.

5. *Кокошин А.А.* Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М.: Европа, 2006; *Кокошин А.А.* Проблемы обеспечения стратегической стабильности: теоретические и практические вопросы. М.: Едиториал УРСС, 2011.
6. *Чубарьян А.О.* Российский европеизм: история, эволюция и будущее. М.: ОЛМА-Пресс, 2005.
7. *Симония Н.А., Торкунов А.В.* Глобализация, структурный кризис и мировое лидерство. М.: Международная жизнь, 2013.
8. *Журкин В.В.* Европейская армия: поражения и победы. М.: Международные отношения, 2012.
9. Россия – Европейский союз: возможности партнёрства / Под ред. И.С. Иванова. М.: Спецкнига, 2013.
10. “Концерт великих держав” XXI века / Под ред. А.И. Никитина. М.: МГИМО-Университет, 2015.
11. *Никонов В.А.* Российская матрица. М.: Русское слово, 2014; *Никонов В.А.* Современный мир и его истоки. М.: Изд-во МГУ, 2015.
12. Договор о европейской безопасности: импульс к развитию отношений России и Европы / Под ред. М.В. Братерского, С.В. Кортунова. М.: МГУП, 2011; *Громыко Ал.А.* Цивилизация как объект исследования и российская идентичность // Россия в многообразии цивилизаций. М.: Весь мир, 2011; *Громыко Ал.А.* Цивилизация и Россия. Споры продолжаются // Стратегия России. 2009. № 7.
13. A Secure Europe In a Better World. European Security Strategy. Brussels. 2003. 12 December.
14. Report on the implementation of the EES. Dec. 2008. S407/08.

После выступления Ал.А. Громыко ответил на вопросы участников заседания.

Академик М.В. Угрюмов: Не могли бы вы по конкретным макропоказателям сравнить конкурентоспособность российской науки и науки ведущих европейских стран? Каков характер динамики конкурентоспособности за последние 10–12 лет?

Ал.А. Громыко: У России до сих пор есть возможность удержаться в узкой группе стран, где коньком являются фундаментальные исследования. Германия из этой группы выпала после Второй мировой войны и при всей своей экономической мощи и развитости в неё до сих пор так и не вернулась. Об этом говорят сами немцы.

По различным рейтингам, в последние 20–25 лет мы опустились довольно низко. Но если сопоставить финансирование, которым располагает российская наука, и количество наших учёных, то окажется, что их производительная способность, то, что они выдают “на-гора”, может

сравниться с ведущими странами мира. У России до сих пор сохранялись крупные фундаментальные и прикладные заделы в тех сферах, где она стала наследницей Советского Союза. Это атомная сфера, энергетика в целом и космос. Думаю, что и общественные науки – одна из немногих областей, в которых наша страна в последние 20 лет продвинулась вперёд. По моим наблюдениям, в социологии и политологии, в компетенции в области международных исследований учёные России ни в чём не уступают западным, а тем более восточным коллегам.

Академик А.Л. Асеев: Вы намеренно не уделили внимания Восточной Азии? В частности, я имею в виду Северный морской путь. У нас в “Техпроме” была большая японская делегация, её не интересовала ни наука, ни образование, ни промышленность, интересовало одно – что происходит в Арктике?

Ал.А. Громыко: В докладе я выбрал три центра силы – Россию, США и Евросоюз, потому что по ряду факторов мы можем рассматривать их в единой связке, в том числе с точки зрения цивилизационных исследований. Что касается Востока, то и США, и Евросоюз, и Россия уже давно заявили о том, что будут прилагать максимум усилий для диверсификации своей политики и экономики, чтобы ориентировать их именно на эту часть мира. Разворот на Восток Россия будет совершать в любом случае, это объективный и естественный процесс. Всё дело в том, как быстро это произойдёт и какие позиции Россия займёт в конфигурации ведущих центров силы, которые будут складываться в ближайшие 10–20 лет.

Деклараций очень много, но на практике вопросов ещё больше. Например, до сих пор россияне мигрируют из-за Урала в Европейскую часть страны, до сих пор большая доля ВВП России завязана не на Восток, а на Запад. Торговый оборот между Россией и Китаем – около 60 млрд. евро в 2014 г., что в 5 раз меньше, чем между Россией и Евросоюзом. Предпринимаются попытки по осуществлению проекта “Экономический пояс Шёлкового пути”, сочленению того, что предлагают ЕС и Китай. Это и трубопровод “Сила Сибири”, и арктическое направление, которому Россия в последние годы уделяет большое внимание.

Думаю, что будущее Северного морского пути – громадный, пока ещё не использованный потенциал для нашей страны. Только рыночными механизмами разворот на Восток, безусловно, осуществляться не будет – нужна государственная воля.

Академик Е.П. Чельшев: Бытует мнение, что Россия стремится найти поддержку на Востоке – в Китае и Индии. В связи с этим звучит критика, дескать, Россию меньше интересуют европейские проблемы. Насколько такая точка зрения соответствует действительности, и если да, то не при-

ведёт ли это к расколу Востока и Запада? Стремимся ли мы найти поддержку на Востоке? Находим ли мы эту поддержку, и насколько критика, которая обрушивается на нас, эффективна и имеет под собой какие-то основания?

Ал.А. Громыко: Европа является для России своего рода тылом, и если этот тыл не обустроить, то идти на Юг и на Восток будет сложно. Поэтому Россия должна предотвратить структурное противостояние, которое в последние два года стало намечаться в её отношениях с Западом. Надо делать всё, чтобы новая холодная война осталась умозрительным предположением. Надо находить среди наших западных партнёров страны, готовые серьёзно защищать и продвигать собственные национальные интересы. Для России задача-минимум — это укрепление того проекта, на который она сделала в последние несколько лет крупную ставку. Это Евразийский союз. Задача-максимум — выход вновь на проект Большой Европы — от Лиссабона до Владивостока. Обе задачи можно осуществить, если Россия станет сильнее не столько в военном, сколько в социальном и экономическом плане.

Академик В.Е. Фортов: Сейчас много говорят о сближении Европы с Америкой, о зоне свободной торговли и т.д. Если это произойдёт, как изменится весь расклад?

Ал.А. Громыко: Переговоры между США и ЕС на эту тему идут уже около двух лет, причём очень сложно. Далеко не все политики и бизнесмены в Западной Европе разделяют мнение о том, что

Европа до сих пор является “младшей сестрой” Вашингтона. Различные правозащитные организации, “зелёные” бьют тревогу по поводу тех положений, которые заложены в проекте трансатлантического партнёрства. Кстати, вначале эти документы были засекречены и недоступны широкой общественности.

Судя по всему, Обама считает, что соглашение между США и ЕС могло бы украсить его карьеру на посту президента в последний срок пребывания в Белом доме. Но время заключения соглашения уже несколько раз переносилось. Тем не менее это не означает, что оно вообще не будет заключено. И американцы, и европейцы в большой мере заинтересованы в нём, думаю, они пойдут на ряд взаимных уступок и подпишут текст. По подсчётам Комиссии Евросоюза, для ЕС это может дать ежегодную прибавку порядка 12 млрд. евро, что, кстати, не так уж много. Но эффект от такого партнёрства будет заключаться не только в денежном выражении. Гораздо важнее показать, что Запад консолидируется.

На мой взгляд, тот факт, что Россия не участвует в подобных мегапроектах, не должен служить поводом для разочарований. Это обстоятельство нужно использовать как стимул для эффективного и целенаправленного развития собственных интеграционных структур и собственной модернизации. Если ВВП нашей страны так и застрянет на 10 или 20 лет на трёх процентах, мы, безусловно, скатимся из первой десятки стран мира во вторую, а может быть, и в третью.

НАУКА ПРИЗВАНА ВЫПОЛНЯТЬ РОЛЬ СВЯЗУЮЩЕГО ЗВЕНА МЕЖДУ СТРАНАМИ

ОБСУЖДЕНИЕ НАУЧНОГО СООБЩЕНИЯ

Открыл обсуждение академик **С.М. Рогов**. Прежде всего он отметил чрезвычайно высокий интеллектуальный уровень исследований, которые проводятся в Институте Европы РАН, что, в частности, продемонстрировал докладчик. К сожалению, продолжал С.М. Рогов, у нас в последнее время распространилось поверхностно-наплевательски-обывательское отношение к Европе: Европа загнивает, она слаба, экономического роста нет и т.д. Между тем сегодня примерно 45% мирового ВВП приходится на большую “тройку” — США, Европейский союз и Китай. Россия с 3% по ППС и 2% по обменному курсу находится во втором эшелоне. Поэтому обывательское отношение к связям с Европой необоснованно, как и призывы к тому, чтобы переориен-

тироваться на Китай. Дескать, Китай заменит нам доступ к высоким технологиям, лидером в разработке которых являются Штаты и Евросоюз, или доступ к финансовым рынкам.

Нынешняя ситуация требует очень серьёзного анализа. Если не удастся остановить раскручивание холодной войны, то, по крайней мере, необходимо вести её по правилам, которые были выработаны СССР и США 30–40 лет назад и кодифицированы в ряде соглашений по контролю над вооружениями.

Далее С.М. Рогов обратил внимание присутствующих на весьма тревожную перспективу полного краха режима контроля над вооружениями в связи с возможным прекращением Договора о ракетах средней и малой дальности (РСМД). Если

это случится, американские ракеты средней дальности будут развёрнуты в Эстонии, Польше, Румынии. Подлётное время составит 2 минуты до Петербурга, 5 минут до Москвы.

Как отреагирует Европа на то, что Договор о РМСД может прекратить своё существование? Нынешние антироссийские настроения получают колоссальный импульс, ведь мы будем опять разворачивать ракеты средней дальности, которые не могут долететь до Америки, но могут — до Европы. Произойдёт одновременно мощнейшее наращивание потенциала США и НАТО на территории стран — новых членов альянса, и это подтолкнёт к худшим временам холодной войны. Нельзя допустить, чтобы Россия была окончательно исключена из Европы, чтобы наши граждане перестали быть европейцами.

По мнению академика **Н.И. Ивановой**, в докладе Ал.А. Громыко представлен обстоятельный экономический и политический анализ, показана глубокая историческая перспектива, выдвинуты прогнозы, приведены интересные цифры, предложены конкурирующие сценарии будущего. Евросоюз начинался как проект нового мироустройства, и на первых порах, когда решались экономические проблемы — снятие таможенных ограничений, ограничений на передвижение рабочей силы, создание новых отраслей экономики — он был очень успешным. Однако в конце 1990-х годов появилось обидное определение: Евросоюз — экономический гигант, но политический карлик. Это было правдой и заставило Евросоюз форсировать политическую интеграцию, что создало проблемы и в экономике, и в политике. Согласившись с тезисом докладчика, что Евросоюз — это конкуренция национального и наднационального, **Н.И. Иванова** подчеркнула: в условиях наблюдаемого сейчас баланса глобализации и регионализации будут формироваться новые основы мироустройства, где Евросоюз останется одним из лидеров. Этот проект — не только история успеха, в ходе его реализации были и пробы, и ошибки, но тем не менее за ним будущее. Следует отказаться от поверхностного дискурса, который возобладал и в нашей политической аналитике, и в политических выводах руководящих органов.

Директор департамента общеевропейского сотрудничества Министерства иностранных дел РФ **И.Д. Солтановский** начал своё выступление с констатации того факта, что к серьёзным осложнениям с Европой мы не привыкли. Для нас это вызов в разных плоскостях — экономической, внутриполитической и внешнеполитической.

Почему “мягкая сила” Евросоюза стала процветать непосредственно на зоны наших интересов и, по сути, бросать нам вызов? Политика постоянного партнёрства — яркий тому пример. “Пожар” на Украине спровоцировала сама Укра-

ина при закулисной, а потом открытой поддержке и давлении США. Мы оказались в ситуации искусственного для нас выбора — “или-или”. Причём идёт выбор моделей развития. Утверждается, что Евросоюз — это модель, которую стоит применить, по крайней мере, к неприсоединившимся к ЕС европейским странам, а в перспективе и странам Евразии.

В практическом плане работать на различных направлениях одновременно очень сложно, и в этом проявляется многовариантность нашей политики. При этом необходимо максимальное, энергичное, динамичное укрепление Евразийского экономического союза, создание его позитивного имиджа, и тогда к нему потянутся прежде всего бывшие республики СССР. К сожалению, подчеркнул **И.Д. Солтановский**, Евросоюзу удалось навязать какой-то части молодёжи и поколению среднего возраста представление, что Европа — это путь в будущее, модернизация, безвизовый режим, свободный рынок капитала и рабочей силы, новое современное образование, что у такого пути нет альтернативы.

Европейцам самим придётся решать: либо продолжать прагматичное сотрудничество с нашей страной, принимая ситуацию, которая сложилась после исторического воссоединения Крыма с Россией, либо ориентироваться на поляков, прибалтов, американцев, которые воспользовались конъюнктурой и давят на здравомыслящее ядро, сохранившееся в Евросоюзе.

И.Д. Солтановский согласился с докладчиком в том, что по части стратегического, творческого мышления у европейцев наблюдается пока большой дефицит. По сути, они перехватили идею, которую **В.В. Путин** выдвинул ещё в 2012 г.: создать единое экономическое пространство от Атлантики до Владивостока. Поэтому надо продолжать внешнеполитическое взаимодействие с Китаем, а также в рамках ШОС и БРИКС реализовывать российские интеллектуальные наработки, касающиеся ОБСЕ, стараться обновить европейскую повестку дня и выйти в будущем на новые обязательства в области европейской безопасности. Нужно развивать интеграционные процессы, модернизировать экономику, активно работать по всему внешнеполитическому фронту и, конечно, ни в коем случае не переигрывать в развороте на Восток.

Член-корреспондент РАН **А.В. Кузнецов**, признав, что конкуренция между США и ЕС по построению полицентричного мира является крайне важной с точки зрения задач, стоящих перед Россией, в то же время подчеркнул, что нежелательно сводить всё к диалогу с Европейским союзом и США. Конечно, не следует поворачиваться спиной к нашим европейским партнёрам, но одновременно нужно понимать, что для Евросоюза и США Россия может стать партнёром и конкурен-

том, только если она будет сильной. А для этого надо иметь глобальную внешнеполитическую и внешнеэкономическую повестку. Наши возможности, с одной стороны, очень ограничены, с другой – они всё равно недоиспользуются.

По мнению А.В. Кузнецова, необходимо более продуманно действовать на постсоветском пространстве, в том числе бережно развивать Евразийский союз. Но одновременно надо чётко понимать, что у нас есть возможность сотрудничать со всем миром, с отдельными странами, отдельными отраслям, в разных форматах. Такое сотрудничество должно осуществляться в рамках единой концепции. Взять, например, образовательные услуги иностранцам. По статистике, количество иностранных студентов в российских вузах увеличилось в основном за счёт выходцев из ближнего зарубежья. Но увеличилось также представительство китайских, индийских, малазийских, вьетнамских студентов. Понятно, что русский язык – это одновременно и наш внешнеполитический ресурс, и проблема, возникающая в связи с конкуренцией в англоязычном пространстве. Следовательно, надо думать о том, как продвигать русский язык и там, где он традиционно изучался, например, в Европе, и на новых пространствах.

Второй не менее, а, может быть, даже более важный вектор – содействие международному развитию. Здесь в последние годы у нас наметились позитивные сдвиги. Мы перешли от исключительно многосторонних форматов участия, когда вклад России терялся на фоне вклада Европейского союза и США, когда мы в основном давали деньги, а плоды пожинали наши европейские и американские партнёры, к двустороннему сотрудничеству. Но, скажем, в Африке мы по-прежнему недоиспользуем потенциал политических и культурных связей. Недоиспользуется он и в Европе, в частности на Балканах.

Словом, подытожил А.В. Кузнецов, мы действительно пытаемся вернуться на глобальный уровень. Взаимодействие с Европейским союзом – а европейская сущность нашей страны бесспорна – не только не противоречит позиции России в мире, но может способствовать равноправному диалогу с США.

Академик **В.В. Журкин** отметил, что Россия сейчас находится в политической конфронтации с США и с Европейским союзом. Одни называют это противостояние новой холодной войной, другие как-то иначе, но ясно, что период нормальных отношений и сотрудничества сменился периодом вражды и взаимной борьбы, в которой Россия, когда необходимо, ведёт себя достаточно жёстко. Сколько продлится этот период, никто толком сказать не может. Это политическая реальность, в которой нашей стране придётся жить какое-то время, возможно, годы. Но наряду с политической есть ещё и глобальная реальность. Речь идёт о проблемах, которые касаются всего

человечества, в том числе России. Это борьба против международного терроризма, против распространения оружия массового уничтожения, экологические проблемы, освоение космоса и т.д.

Важнейшей частью глобальной реальности является научное сотрудничество, которое продолжалось даже в самые напряжённые годы холодной войны. Сегодня мы не вправе об этом забывать. Россия располагает достаточно сильным научным потенциалом, и её вклад в международное научное сотрудничество в лице Академии наук должен быть существенным. Учёным надлежит быть выше политической реальности, заключил **В.В. Журкин**.

Большой бедой назвал нынешние отношения с Евросоюзом академик **М.В. Угрюмов**. Для нас “захлопнулась” Европа, но не “открылась” Азия. В Евросоюзе всегда были разные настроения: одни выступали за сближение с Россией, по крайней мере, в сфере науки, другие, наоборот, считали, что надо от России изолироваться. **М.В. Угрюмов** напомнил, что в области науки задолго до политического кризиса были выдвинуты абсолютно неприемлемые для нашей страны требования, и мы отказались от участия в рамочных программах. Академия тогда инициировала создание системы многостороннего сотрудничества с европейскими странами на основе законодательства каждой страны в отдельности. Эта система сейчас процветает, это один из инструментов, который нужно использовать в дальнейшем для развёртывания научного сотрудничества, выполняющего функцию надполитического союза. По мнению **М.В. Угрюмова**, Российской академии наук следует установить прямые контакты по линии Федерации европейских академий наук, в которую входят 54 академии 42 стран. К сожалению, в последние два года мы выпали из этой организации, хотя её руководство стремится к восстановлению отношений с РАН, более того, оно готово провести у нас очередную генеральную ассамблею федерации. Лет пять назад она выдвинула инициативу обсудить взаимоотношения между Россией и европейскими странами. Предполагалось, что будут два совещания – в Зальцбурге под названием “Что ждёт Европа от России?” и в Москве под названием “Что ждёт Россия от Европы?” Первое совещание состоялось, причём на очень высоком уровне, а вот второе – нет. **М.В. Угрюмов** призвал руководство РАН организовать такую встречу.

Как считает академик **А.А. Дынкин**, идеи Общеввропейского дома, Единой Европы от Лиссабона до Владивостока придётся отложить как минимум лет на десять. Реальность такова, что мы, скорее, будем жить в большой Азии – от Шанхая до Мурманска и от Мурманска до Тегерана.

Европа столкнулась с массой трудностей, которые консолидировали европейские элиты. Одним из поводов консолидации стало враждебное

отношение к России, и с этим надо считаться. Здесь очень ощутимо американское воздействие. Европейцы не торопятся увеличивать свои оборонные бюджеты, которые по правилам НАТО должны быть на уровне 2% ВВП. За них платят деньги американцы. Военный бюджет США близок к 50% мирового оборонного бюджета, и это сильный рычаг давления на страны.

Кроме того, мы столкнулись с кризисом переговоров по ВТО. Под руководством США создаются зоны свободной торговли – Трансатлантическое торговое партнёрство и Транстихоокеанское партнёрство. И не надо думать, что Китай не станет на это реагировать. Одна из тем саммита ЕС и Китая – зона свободной торговли между Китаем и Европейским союзом. Мы должны предусмотреть возможные последствия, связанные с появлением такой зоны.

Сегодня нерв дискуссии в Европе задаёт Федеративная Республика Германия, которая называет себя “зелёной сверхдержавой”. Она лидирует в области так называемой низкоуглеродной экономики, альтернативных источников энергии. Надо подумать, как мы можем участвовать в этом процессе.

В заключение А.А. Дынкин подчеркнул, что Россия, конечно, никогда не откажется от европейской идентичности, но мировая реальность сегодня другая, и это нужно учитывать.

Академик **Т.Я. Хабриева** присоединилась к высказанному участниками заседания мнению, что в Институте Европы РАН исследования проводятся на очень высоком уровне. Но, как она полагает, необходимо давать новый импульс исследованиям, градус которых несколько снизился. Мы не всегда учитываем, что внешнеполитический курс Евросоюза укрепляется во многом благодаря его огромному экономическому потенциалу. Но не только. Если раньше политика Евросоюза была связана исключительно с его международными обязательствами, то теперь появляется множество актов (ежегодно их количество растёт) самого ЕС.

Т.Я. Хабриева посетовала на то, что в докладе не было затронуто важное обстоятельство. Дело в том, что как бы ни развивались отношения в рамках обозначенного треугольника в конкуренции за лидерство, какими бы они ни были – конкурентными, партнёрскими, конфликтными – их основу составляет международное право. Безусловно, дискуссия по поводу того, что понимать под общими принципами и нормами международного права, не закончится никогда, но есть принципы ООН, о которых стали забывать. В контексте обсуждаемой темы речь идёт о трёх главных принципах: неприменение силы и угрозы силы, обеспечение суверенного равенства (то, что всё чаще звучит в политике России – мы вынуждены защищаться) и принцип мирного урегулирования споров и конфликтов. Как известно, Балканы бомбили без санкций ООН, и это ненормально.

Поэтому большое значение приобретает принцип добросовестного исполнения международных обязательств.

Соглашаясь с основным выводом докладчика о том, что идёт переформатирование международных отношений, Т.Я. Хабриева ещё раз подчеркнула: база должна быть одна – международное право. К сожалению, сейчас мало кто изучает, как будут устанавливаться отношения ООН и новых объединений, где мы участвуем, – БРИКС и ШОС. Исследования на эту тему – очень перспективное и нужное дело.

Член-корреспондент РАН **В.А. Кременюк**, сославшись на своё участие в заседании черногорского Атлантического совета, задался вопросом: почему многие европейцы хорошо относятся к России, но следуют каким-то определённым стереотипам, в частности, вступают в НАТО? Возможно, мы что-то упускаем, чего-то недодумываем? Более того, создаётся впечатление, что и мы следуем этим стереотипам.

Очень серьёзный вопрос: что для нас Европа – субъект или объект, партнёр или американский прихвостень, который выполняет всё, что ему предписывают в Вашингтоне? Конечно, не то и не другое. Здесь каким-то образом следует определиться.

Европа остаётся очень близкой России, упускать её (как в ситуации с санкциями), отдавать на растерзание американским “друзьям” нельзя, тем более что сами американцы иногда не знают, чего хотят. Например, по мнению В.А. Кременюка, НАТО устарела, это объединение из другой эпохи, слабо дееспособное, провалившееся даже в Афганистане. Тем не менее в НАТО продолжают “затаскивать” страны, пытаясь придать им некий проатлантический характер.

Закрывая обсуждение, президент РАН академик **В.Е. Фортов** обратил особое внимание на необходимость международного сотрудничества. Явное желание продолжать научные контакты проявляют наши коллеги за рубежом, в частности из Академии наук США. Они демонстрируют полную открытость и справедливо считают, что в сложившейся ситуации, когда напряжённость усилилась, именно наука призвана выполнять роль связующего звена между странами. Кстати, известно, что во времена Карибского кризиса происходил обмен делегациями советских и американских учёных. Мы поддерживаем стремление наших зарубежных коллег, заявил В.Е. Фортов, и уверены, что взвешенные научные оценки происходящих в современном мире процессов позволят лучше понять позиции сторон и усилят научное сотрудничество.

*Материалы обсуждения подготовил к печати
М.А. МАНУИЛЬСКИЙ,
кандидат философских наук,
Институт социологии РАН, Москва, Россия
manuilskiy@mail.ru*